

Э. Е. АБДРАШИТОВ

ВОЕННОПЛЕННЫЕ СТРАН ТРОЙСТВЕННОГО СОЮЗА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В данной статье анализируется отношение населения Поволжского региона к военнопленным стран Тройственного союза через призму материалов периодической печати и эго-документов. Автором выявлен ряд концептов, которые активно использовались в печати и формировали отношение к пленным.

Ключевые слова: военнопленные, Поволжский регион, общественно-политический дискурс, первая мировая война.

Начало первой мировой войны было полной неожиданностью для российских обывателей. Многих это известие застало на вражеской территории; части из них удалось вернуться на Родину, часть же осталась в Германии и Австро-Венгрии в качестве военнопленных.

На момент объявления войны российская официальная идеологическая машина (как и германская) оказалась в тупике. Необходимо было в ограниченные строки поднять боевой дух подданных. Именно на решение этой задачи были направлены публикации в периодической печати, в которых обыгрывались разные сюжеты славянского единения как результата войны, культивировался образ немца как тевтонского завоевателя, демонстрировалось вероломство Германии. Однако это не дало результата, на который рассчитывали. Как докладывала в Казанское губернское жандармское управление «агент Казанцева» 16 сентября 1914 г. «настроение масс из интеллигенции патриотическое, но особенного подъема теперь не замечается»¹.

Региональная печать старалась не отставать от центральных изданий в деле нагнетания антигерманских и антиавстрийских настроений. Поволжская печать с первых дней войны подключилась к борьбе с германским засильем в органах власти, промышленности и т.п., колониялистами, приезжими подданными стран Тройственного союза².

¹ НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 922. Л. 81. Мы не касаемся здесь вопроса об антигерманских демонстрациях и погромах, проявлениях националистического угара с верноподданнической окраской в первые дни после объявления войны. Один из вернувшихся после семимесячного плена великих князей отмечал, что его больше всего поразило в Отечестве отсутствие злобы против немцев. См.: Мы и они...

² Волжское слово. 7 ноября 1914. № 2117.

Германские коллеги российских пиарщиков лучше справились с поставленной задачей. Сократив до минимума поток посторонней информации и акцентировав ее на военной тематике, немецкая пропагандистская машина сумела вызвать ненависть к русскому элементу и одновременно сформировать у бюргеров уверенность в слабости России и ее армии, в том, что Россия – колосс на глиняных ногах, который из-за сильных сепаратистских тенденций на окраинах развалится при первом же наступлении блистательной немецкой армии. Достаточно показательна и кампания шпиономании, захлестнувшая Германию (Австро-Венгрию в меньшей степени). Власть поощряла доноительство и создавала иллюзию, что Германия буквально кишит русскими шпионами.

Когда армии противников столкнулись друг с другом, и стали поступать первые убитые, особой нужды в поддержании морального духа населения не было. Проблемы начались по мере затягивания боевых действий. В этих условиях эксплуатация устоявшихся ментальных образов «славянских варваров», с германской стороны, и «тевтонских завоевателей», с российской стороны, потеряла эффективность: они выработали свой эмоциональный ресурс, и потребовались новые образы.

Для поддержания образа врага использовался образ пленного (и плена вообще). Сообщения о пленных в прессе можно условно поделить на *информационные* и *экспрессивные*. Информационные содержат данные о том, сколько пленным было доставлено, куда они были размещены или перенаправлены. Для экспрессивных характерен эмоционально окрашенный фон. Их представляют описания или интервью корреспондента, отрывки из писем пленным, воспоминания возвратившихся из плена. Можно выделить две подгруппы: документы *внутренние*, исходящие непосредственно от пленным и содержащие комментарии, и *внешние*, отражающие восприятие жизни пленным иными лицами (очевидцами).

Интуитивно или сознательно журналисты эксплуатировали те культурные концепты, которые традиционно связываются с образом немца в глазах российских обывателей. Естественно, что созданные в прессе образы чаще всего не совпадали с собственным мнением немцев о себе как о народе. Создаваемый образ являлся абстракцией, но заключал в себе своеобразный ключ к российскому дискурсу. Основной тенденцией было либо *разрушение* сложившихся концептов, что естественно вызывало шок обывателя, либо *гиперболизированная* эксплуатация образов, либо *создание* новых концептов.

Долгое время германская нация ассоциировалась с образцом культурного поведения, как нация, которая возвеличивала умственный труд и дала миру множество блистательных ученых. Поскольку жестокость со

стороны немцев сама по себе, вполне объяснимая ужасами войны, могла не произвести на обывателей должного эмоционального впечатления, особое внимание было уделено разрушению образа немцев как культурной нации. В статьях начала войны мы встречаем знакомые знаковые понятия, но противоположного содержания за счет включения дополнительного существительного («культурный варвар») или качественного прилагательного: «кровавый завоеватель», «озверевший культуртрегер». Вообще, широкое распространение получил термин «зверь», противопоставлявшийся «культуре» и «культурному». Это позволило в довольно короткие сроки трансформировать представление обывателей о немцах с положительного до нейтрального и иногда даже отрицательного.

С разрушением традиционных концептов в отношении австрийцев было сложнее, так как это государство было многонациональным. Многим народам с общими славянскими корнями российское общество симпатизировало, и формировать в массовом сознании образ врага-австрийца было непросто. Для этой цели было произведено четкое разделение пленных на своих и чужих. Постепенно начала формироваться связка австриец – мадьяр, славянин – не австриец. Поэтому в связке с мадьярами мы постоянно встречаем слова «палач»³, «кровавый», «озверевший», «изверг». Со славянами соотносятся термины «братский», «добродушный», «душевный», «родненький», «несчастненький»⁴.

Одна из немецкого менталитета – любовь к *порядку* и *чистоте*. В известном утверждении “*Ordnung muss sein*” обратим внимание на идею морального долженствования, а не приказной данности. Порядок понимался в терминах: точность, пунктуальность, аккуратность, умение считать (в немецком языке противопоставляются глаголы *rechnen* и *zahlen*), уважение к приказу, иерархичность, основательность и доскональность, целеустремленность (точнее – осознание цели: *zielbewusst*), рационализм. Стереотипы немецкого менталитета можно частично объяснить особенностями протестантской этики, суть которой в том, что каждый человек персонально отвечает за свои поступки перед Богом, а усердие и трудолюбие, отмеченное повышением благосостояния, является знаком выбора правильного пути. В российской прессе широкое распространение получил именно гипертрофированный рационализм немцев и стремление к тотальной чистоте (например, мытье пленных на улице на морозе; в бараки не отпускали, пока не помоеется последний пленный). Все немецкие действия по отношению к военнопленным вы-

³ Жестокости австрийцев...

⁴ Встреча пленных...; Тихо: пленный спит...; Мы и наши пленные...

ставлялись как детально продуманный план. Даже бесцельное конвоирование русских пленных из точки А в точку Б и обратно на другой день, подавалось как отточенный садизм немцев, акт глумления над больными и ранеными русскими пленными, хотя вполне возможно, что это было связано с тактическими соображениями, обстоятельствами или элементарной глупостью. Неоднократно цитировались выдержки из разговорника, специально выпущенного для немецких солдат и содержащего набор наиболее употребляемых фраз, среди которых фигурировали «Стой», «Отдайте все, что у Вас есть» и т.п.

Не менее эффектно описывались действия немецкой толпы⁵. Сам этот концепт вступал в жесткое противоречие с концептом порядка и рационализма. Со временем печати можно отметить замещение терминов, конструирующих рациональное пространство, иррациональными композициями, ведущей из которых был термин «толпа». Для оттенивания демонстрировались отдельные проявления гуманизма и рационализма ряда немецких женщин, но исключительно тайком от толпы⁶.

Практически все возвратившиеся из плена вспоминали, что пленных во время транспортировки повсеместно называли русскими свиньями. Особенно часто с этим сталкиваешься на страницах периодической печати Поволжского региона. Так пытались вызвать негодование мусульманского населения, которое связывало упоминание свиней со страшным оскорблением. При этом следует отметить, что немцы вовсе не для этого употребляли данное сравнение. Вид жалких оборванцев в лохмотьях, с бурыми от запекшейся крови повязками, невымытых по несколько дней, увязывался в сознании немецких обывателей с образом свиней. Сами немцы приложили к этому руку: отнимали всю одежду (шинели и сменную), не кормили по несколько дней, устраивали длинные переходы с ночевкой в открытом поле или стойлах животных.

Впрочем, анализируя прилагательные, которыми наши авторы отмечали пленных врагов, постоянно натываешься на характеристики телесности, зачастую негативно окрашенные. При этом согласно сложившемуся мнению, неоднократно подтвержденному высказываниями чиновников самого высокого уровня, и даже Николая II, пленные враги не представляли собой монолитного образования. Из них выделялись немцы, которых характеризовали через прилагательные «жестокие», «подлые», «предательские»; мадьяры – «бесчеловечные», «жестокие». Напротив, пленные славянской национальности характеризовались

⁵ Волжское слово. 30 июля 1914. № 2040; 29 августа 1914. № 2064.

⁶ Как немцы обращаются с пленными...

нейтральными прилагательными. Например, «краснощекий австриец», но «красномордый бурша» или «толстый бургер». Со временем применяется все более дружественная терминология: «бодрый», «веселый», «стыдливый». Немецкие пленные напротив характеризовались как «бесстыжие», «бессовестные», «наглые», «нахальные люди».

Через подобные ассоциативные ряды характеризовались и отношения пленных с местным населением или солдатами: русские относятся добродушно, сердобольно, тепло, благожелательно; немцы озлобленно, жестко или даже жестоко. Для полноты картины применялся прием сравнения. Когда в одной статье сравнивались условия содержания наших пленных в Германии и немцев в России, или же приводились отрывки писем. Сравнение, естественно, было не в пользу немецких властей. А вот положительные отзывы о содержании русских пленных не соседствовали с описанием немцев в российском плену; практически всегда фоном выступали статьи о немецких жестокостях на фронте.

Красной нитью практически через все публикации о транспортировке военнопленных проходит идея о том, что все пленные подданные Тройственного союза – попрошайки. Напротив, русские военнопленные стойко переносят муки голода, не опускаясь до попрошайничества: им помогают местные либо они сами берут на бесхозных полях. Австрийским пленным дают женщины.

Вернувшиеся из плена русские врачи описывают, как стоически переносят наши пленные страдания и боль. Истекая кровью, он ждет своей очереди, дымя папиросой, зачастую пропуская товарища или раненного пленного. Читателю представляется образ аскета, святого, понятный в бытовом дискурсе с полуслова.

Большинство публикаций направлено на героизацию русских солдат. Авторы многих публикаций именуют героями и военнопленных: это военнослужащие, исполнившие свой долг перед родиной до конца; образец беззаветного служения Отечеству. Как оттеночный штрих использовалось ласкательно-уменьшительное именование российских военнослужащих: «солдатики». Это вполне укладывалось в бытовой дискурс российского общества: герой должен быть скромн, открыт.

В описаниях иностранных пленных широко использовался концепт *порядка*. Так немцы добивали раненных пленных по приказу, делали все согласно распоряжениям начальства, даже пленные славяне воевали против русских только потому, что под тамошним царем ходили по приказу. Данный конструкт позволял оправдывать пленных славян и в то же время сгущать краски в отношении немцев, посредством гиперболизации. Напротив, в описаниях российских пленных использу-

ется термин «беззаветное служение». То есть иностранцы служат по приказу, русские защищают Отечество по внутреннему убеждению. Так проводилась идея, что защищать Родину, а через нее и свою семью и дом – это моральный долг каждого мужчины; защищать по принуждению аморально и претит русской сущности. В службе честь.

Концепт *честь* составляет одно из важнейших ментальных образований в оценочной картине мира и имеет различное наполнение у разных народов. Так, Г. Г. Слышкин⁷, рассматривая языковые способы выражения концепта *честь* в американской и русской лингвокультурах, убедительно доказал на основе анализа американских толковых словарей, что в американской культуре *честь* понимается как высокая репутация, т.е. высокое уважение со стороны окружающих. Русские толковые словари, напротив, раскрывают этот концепт в единстве внутреннего качества и отношения окружающих. Для американца *honor* ассоциируется с титулами, наградами, привилегиями и т.д. Автор связывает эволюцию данного конструкта с развитием западноевропейского концепта рыцарской чести, изначально связанного с соревновательностью и утверждением в обществе. В России напротив, «древнерусская семья воспитывала своих членов по веками выработанному шаблону, в основе которого лежали религиозные предписания. Понятие чести не фигурирует среди христианских добродетелей, а соревновательность чужда идеалу ортодоксального христианства, культивировавшего терпение и послушание». Поэтому понятие чести соотносится в русской культуре с внутренними качествами человека⁸.

Для русского солдата и офицера огромное значение имела не оценка окружающих, а внутреннее восприятие произведенного действия, похвала, высокая оценка окружающих скорее смущала. Побег из плена, что автоматически причисляло бывшего пленного к героям со слов журналистов и в дальнейшем в общественном мнении, заканчивался возвращением в строй к своим сослуживцам.

Для немецкого офицера особую значимость, напротив, имела внешняя оценка его поведения. Поэтому плен для немецких офицеров был наказанием, бесчестьем. Например, прусский генерал особо обращал внимание на тот факт, что русский полковник не лишил его оружия (внешний телесный атрибут), т.е. повел себя, как рыцарь. Это хоть как-то смягчило горькую пилюлю попадания в плен. В своем большинстве австрийские военнообязанные славянского происхождения имели те же

⁷ Слышкин. С. 57.

⁸ Там же. С. 59.

установки, но так как изначально большинство не горело желанием участвовать в войне с Россией, сдача в плен не считалась чем-то зазорным, позорящим и бесчестящим. Общественное мнение было на их стороне.

Не меньшей популярностью пользовался концепт *долг*, раскрываемый как через деятельность солдат, так и через работу врачей. Для россиянина понятие долг имело моральный оттенок, а не соотносилось с понятием обязанности или приказа. Так, в газетных статьях неоднократно противопоставлялись русские и немецкие врачи. Для русского врача и общественного дискурса понятие «врачебный долг» имело надпатриотичный характер. Раненый или больной, вне зависимости от национальности и подданства, нуждался в помощи и должен был ее получить. Преференции определенным категориям лиц воспринимались весьма негативно общественным мнением. Именно на это и указывали публицисты. Так, немецкие врачи «бросают операцию русского раненого наполовину, если прибыл раненный немец»⁹. Особо публицисты акцентировали, что немецкий врач – прежде всего солдат, подчиняющийся приказам, и для него долг – это защита всего немецкого. То есть фактически проводилась мысль, что их врачи – это псевдоврачи, обладающие всеми необходимыми навыками и дипломами, подтверждающими квалификацию, но не имеющие особого душевного склада. Русские врачи оказывали помощь повсеместно, как их обязывал долг. При этом тот же доктор «прекрасно отзывался об австрийских врачах» и, кроме хорошего, он «сказать о них ничего не мог»¹⁰. По его мнению, именно правильное понимание долга со стороны австрийских коллег и вызывало злобу и ненависть немецких врачей.

Согласно Л. Е. Вильмсу, в немецком культурном социуме безрасудочность, демонстрация чувства оценивается крайне негативно, и одновременно отрицается сокровенный характер любви. Русский культурный социум напротив, осуждает легкомыслие, безответственность и нескромность (особенно жесткие требования предъявляются женщине)¹¹. Не меньший интерес представляет исследование этого же концепта в работе Е. Е. Каштановой, которая выделила пять основных семантических параллелей, характеризующих основные мировоззренческие направления в осмыслении любви в русской философии: Бог, семья, свобода, страсть, смерть¹². Тема любви и нелюбви буквально пронизы-

⁹ Истязание немцами пленных врачей...

¹⁰ Там же.

¹¹ Вильмс. С. 20-21.

¹² Каштанова. 1997.

вала военную периодику. Но если при описании жизни наших пленных в Германии, авторы намеренно говорили о том, что определенные группы пленных немцы *не любят*, то в описании положения иностранных пленных в России внимание наоборот концентрировалось на народной *любви* к отдельным группам пленных¹³.

Раскрывая тему взаимоотношений женщин и пленных, публицисты военного времени использовали концепты любви. В газетах намеренно неоднократно публиковались письма солдат с фронта и возмущенные отклики обывателей, повествующие о наличии интимных связей между пленными немцами и австрийцами и русскими женщинами. Для усиления эффекта параллельно публиковались статьи описывающие отношения пленных к русским женщинам, с позиции того, что для военнообязанных подданных стран Тройственного союза — это легкое увлечение, связанное с неизбежным пребыванием внутри России. В отношениях с дамами австрийцы характеризовались терминами «бесстыжий», «нахальный», немцы — через термины «оскорблять»¹⁴.

Впрочем, цель подобных статей — возбуждение ненависти к подданным вражеских стран — достигнута не была. Территория Поволжья находилась в существенном отдалении от театра боевых действий. С войной население контактировало посредством общения с беженцами, пленными, ранеными. Поступление тел погибших, конечно, формировало негативный фон, но это был фон печали, траура, усталости, но никак не ненависти или озлобленности. По мнению некоторых корреспондентов, войны в Поволжье не чувствовалось. Автор недоумевал, «где война, когда на вокзалах толпа, поезда переполнены не военными, газеты извещают о спектаклях...»¹⁵.

Впрочем, кое-чего местная публицистика добилась. Был создан конструкт «немец», весьма однозначно воспринимаемый культурным социумом. Немец стал синонимом врага, саботажника, немецкая фамилия, немецкое происхождение, немецкая речь стали маркерами Чужого.

Образ австрийцев не имел четкой ассоциативной привязки. Славяне воспринимались как младшие братья; только мадьяр (поголовно) осуждали в жестокостях по отношению к российским пленным и развязном поведении в России.

Таким образом, провинциальная публицистика развивалась в рамках общероссийских тенденций, но с рядом региональных особенно-

¹³ Как живут пленные у немцев...

¹⁴ Жизнь пленных....

¹⁵ К землякам с подарками...

стей. Первоначально для возбуждения ненависти к германцам и австрийцам использовались давно сложившиеся стереотипы. Причем образ немца был достаточно четким, а образ австрийца размытым. Идея плена и описание жизни пленных были всесторонне использованы для достижения вышеуказанных целей, но они были достигнуты лишь частично. К середине 1915 года был сформирован концепт «немец», прочно ассоциирующийся в сознании населения с образом врага. Параллельно восприятие «австрийского врага» было дифференцированным. Внутри его выделялись австрийцы славянского происхождения – друзья и братья по крови, воюющие по принуждению; австрийцы и мадьяры – воспринимались как пособники немцев.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Вильмс Л. Е.* Лингвокультурологическая специфика понятия «любовь» (на материале немецкого и русского языков): Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Волгоград, 1997. 42 с.
- Встреча пленных // Вятская речь 26.10.1914. № 233.
- Жестокости австрийцев // Вятская речь. 17.10.1914. № 226.
- Движение студенчества и рабочих: Выписка из дневника агентурных сведений по разным сведениям // Национальный архив республики Татарстан (НА РТ) Ф. 199. Оп. 1. Д. 922. 1206 л.
- Жизнь пленных // Казанский телеграф. 10 декабря 1914. № 6454.
- Истязание немцами пленных врачей // Казанский телеграф. 21 февраля 1915. № 6512.
- К землякам с подарками // Волжский день. 13 января 1915. № 9.
- Как живут пленные у немцев // Волжский день. 12.04.1915. № 75.
- Как немцы обращаются с пленными // Казанский телеграф. 3 января 1915. № 6473.
- Каитанова Е. Е.* Лингвокультурологические основания русского концепта любовь (аспектный анализ): Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Екатеринбург, 1997. 23 с.
- Мы и наши пленные // Город Казань. 18 сентября 1914.
- Мы и они // Казанский телеграф. 15 февраля 1915. № 6507.
- Слышкин Г. Г.* Концепт чести в американской и русской культурах (на материале толковых словарей) // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград – Архангельск: Перемена, 1996. 270 с.
- Тихо: пленный спит // Волжское слово. 9 августа 1914. № 2051.
- Абрашистов Элик Евгеньевич*, кандидат исторических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Казанского юридического института МВД России; *b-el@rambler.ru*